

КРЕМЛЕВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

НИКОЛАЙ
ЗАХАРОВ

ОТ ГУЛАГА
ДО КРЕМЛЯ

КАК РАБОТАЛА
ОХРАНА НКВД-КГБ

Кремлевские телохранители

Николай Захаров

**От ГУЛАГа до Кремля. Как
работала охрана НКВД – КГБ**

«Алисторус»

2016

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212

Захаров Н. С.

От ГУЛАГа до Кремля. Как работала охрана НКВД – КГБ
/ Н. С. Захаров — «Алисторус», 2016 — (Кремлевские
телохранители)

ISBN 978-5-906880-78-9

Автор этой книги Николай Степанович Захаров – генерал-полковник, 1-й заместитель председателя КГБ СССР – с 1940 по 1970 год служил в органах госбезопасности, возглавлял 1-й отдел 9-го Управления КГБ (охрана высших руководителей партии и правительства). В своих воспоминаниях он рассказывает об охране Н. С. Хрущева, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, в том числе за границей; о встречах с Ч. Чаплиным, И. Тито, Дж. Неру, Жаклин Кеннеди. Отдельные главы посвящены «делу Берии», перезахоронению Сталина, в котором Н. С. Захаров принимал участие. В воспоминаниях генерала есть уникальные подробности о системе охраны сталинских лагерей, где он состоял на службе в свое время, об «урегулировании конфликтов при забастовках и бунтах в лагерях».

УДК 351.746.1(47+57)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906880-78-9

© Захаров Н. С., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Предисловие	6
На работу в НКВД	7
«Айзсарги»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Захаров
От ГУЛАГа до Кремля. Как
работала охрана НКВД-КГБ

© Захаров Н. С., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Предисловие

Захарову повезло дважды: во-первых, он прожил удивительно долгую жизнь. Родившись в начале прошлого века, в 1909 году, он умер, пережив всех своих сверстников, в апреле 2002-го, в возрасте 94 лет. Во-вторых, эти годы были наполнены эпохальными событиями в жизни не только Николая Степановича, но и всей России. Если к этому добавить, что он был не только свидетелем, но и активным участником многих событий, то становится понятен неподдельный читательский интерес к предлагаемому рассказу. И строит свое повествование Николай Степанович Захаров увлеченно и талантливо, не ограничиваясь перечислением общеизвестных фактов, а добавляя к ним новые подробности.

Интересен прежде всего сам жизненный путь этого удивительного человека. Его детство и юность пришлось на время, когда Россия меняла свой облик, когда рухнул царский строй и пришла пора строительства нового общества, когда на практике люди пытались осуществить лозунг (кто был никем, тот станет всем). Ученик сапожника, первый комсомолец в округе, организатор колхоза, секретарь сельского совета, кавалерист, секретарь комитета комсомола трамвайного управления Ленинграда, слушатель Высшей партшколы при ЦК ВКП [б], работа на Дальнем Востоке, в Хабаровске, на Сахалине, – это лишь начало биографии Николая Захарова, который еще не знал, что он будет вызван в Москву, что получит направление в отдел кадров НКВД, что вскоре грянет война с Германией, а его ведомство вместе с правительством переведут в Куйбышев. А потом ему придется служить и работать первым заместителем министра внутренних дел Латвийской ССР, быть министром МВД Чувашии, руководить органами внутренних дел Кемеровской области.

Примечательно, что нигде Николай Захаров не искал для себя теплого места – ни в Латвии, где два с половиной года не выпускал из рук автомата, ни в Кемеровской области, где выходил один в бунтующие лагеря заключенных и наводил порядок, ни позже, когда, готовя приезд советской делегации в той же Индонезии, летел на полуразвалившемся самолете под тропическим ливнем, ни в здании Организации объединенных наций, где руководил охраной главы советской делегации, ни во Франции, когда эмигранты пытались организовать очередную провокацию против визита делегации из Советского Союза, ни в Японии, где на советский автомобиль мчался с перекошенным лицом человек, задержанный полицией, ни на острове, Даманском, где первому заместителю Председателя КГБ СССР Николаю Степановичу довелось командовать нашими пограничниками...

Начальник 9-го управления, первый заместитель Председателя КГБ СССР Н. С. Захаров не мог просто так уйти на пенсию. Вот почему Дмитрий Федорович Устинов в личной беседе предложил ему поработать заместителем министра машиностроения СССР, где Захаров трудился многие годы. Ему повезло снова: он дожил до той поры, когда ушли долгие и недолгие руководители нашей страны, когда изменилась и стала другой наша великая Россия. Пройдут годы, десятилетия. Но сколько бы времени ни кануло в Лету, нам нельзя забывать о тех замечательных людях, крепких духом и телом, которые вынесли на своих плечах все, чтобы сохранить нашу прекрасную Родину, которая только одна и дает человеку счастье.

Уверен, что эту книгу с огромным интересом прочитают и ветераны, и молодые сотрудники спецслужб, и те, кто не знает об их работе, потому что яркие свидетельства современника о нашем недавнем прошлом помогут нам всем сегодня стать чуточку лучше.

Леонид Шебаршин, генерал-лейтенант, зам. Председателя КГБ СССР в 1989–1991 гг.

На работу в НКВД

...В феврале 1936 года я был избран членом Центрального райкома комсомола Ленинграда. Вскоре после этого со мной случилось небольшое «ЧП». В конце февраля как-то ко мне зашел секретарь парткома с незнакомым человеком. Этот незнакомец сразу перешел к делу и сказал, что есть предложение направить меня на учебу в двухгодичную школу НКВД. Он объявил мне условия, и я в принципе согласился, но сказал, что этот вопрос надо оговорить с райкомом. «Это мы берем на себя», – сказал чекист. С секретарем парткома мы условились, что дела я сдам заместителю Васильеву. Было обусловлено, что через два дня я должен явиться в школу на улицу Гороховая для сдачи экзаменов.

Учитывая заявление представителя НКВД, что вопрос о моем уходе он берет на себя, я не пошел в райком, а, сдав дела, к назначенному сроку явился в школу. В тот же день я сдал экзамен, прошел аттестационную комиссию и к вечеру уже был обмундирован в курсантскую чекистскую форму. В школе было общежитие, где я переночевал. На другой день меня вызвал начальник училища и заявил, что произошло недоразумение. Секретарь райкома ВЛКСМ категорически против моего ухода с комсомольской работы и пожаловался секретарю горкома партии Угарову, который дал указание вернуть меня на старое место.

На другой день я пришел к секретарю райкома комсомола Маринушкину, который обвинил меня чуть ли не в дезертирстве с комсомольской работы. Вообще разговор у нас состоялся нелицеприятный, но завершился он в мою пользу. Мне просто неудобно возвращаться в коллектив, с которым я распрощался. Тогда Маринушкин, поняв, что я не виноват в том, что произошло, заявил мне: «Нам нужен заместитель председателя райсовета Осоавиахима по работе среди молодежи Центрального района». Я согласился, но работать там мне практически не пришлось: произошло районирование Ленинграда и Центральный район стал Куйбышевским в других границах. Райком отозвал меня и по согласованию с обкомом комсомола решением бюро райкома я был назначен заместителем директора Дома коммунистического воспитания молодежи, именуемого «ДКВМ Старая и Молодая Гвардия», на Фонтанке 44. Это был по существу Дворец культуры комсомольского актива Ленинграда. Директором этого культурного центра был Клейн, который через несколько месяцев уехал в Москву в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП (б). Я был назначен директором ДКВМ «Старая и Молодая Гвардия».

Хочу отметить, что недоразумение с поступлением в школу НКВД сослужило мне службу, которую можно назвать «нет худа без добра». Что получилось бы со мной, поступи я в органы в те страшные годы? Куда бы забросила меня судьба-злодейка?..

Второй раз меня рекомендовали на работу в органы НКВД уже в 1940 году. К этому времени я женился, и мы с моей женой Машей работали на Дальнем Востоке по комсомольской линии.

В январе 1940 года мы приехали из Хабаровска в Москву. Имея на руках разрешение Хабаровского обкома партии на выезд из края и характеристику, я на следующий день отправился в Управление кадров ЦК ВКП (б), где был принят заведующим отделом Поповым. Внимательно выслушав меня и ознакомившись с документами, он сделал предложение: пойти на работу в органы НКВД. На днях у него был заместитель начальника Главного Управления Рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) Запевалин и просил помочь подобрать хорошего работника на руководящую должность.

Откровенно говоря, мне не очень хотелось идти на работу в органы милиции, так как профиль моей прошлой работы был гуманитарным, а тут вроде бы карательный.

Я сказал об этом Попову, который настоятельно советовал мне не отказываться от предложения, аргументируя тем, что кадровая работа – тоже партийная работа, но там и зарплата

повыше да и с жильем вопрос можно решить быстрее, чем где-либо. Я поблагодарил Попова за внимательное отношение к моим проблемам и ушел, довольный визитом.

20 января 1940 года я был принят в органы НКВД на должность заместителя начальника отделения отдела кадров ГУРКМ СССР. Отделение кадров занималось вопросами подбора номенклатурных работников органов милиции СССР: наркомов союзных и автономных республик, начальников управлений краев и областей и их заместителей. Это было основное комплекующее отделение. Номенклатура была огромная, а работников в отделении было меньше десяти человек. Я быстро вписался в коллектив и пользовался уважением и авторитетом. Работы было много. Секретарь часто целыми охапками приносила мне на просмотр и подпись личные дела на лиц, подлежащих утверждению в верхах. Наркомов республик назначал нарком НКВД, их заместителей – замнаркома. Начальник Главного управления милиции и его заместитель Запевалин только визировали заключения об утверждении.

Распорядок рабочего дня был, прямо скажу, дикий. Рабочий день начинался в десять утра. С 15 до 18 – перерыв на обед, его хватало только на то, чтобы приехать на квартиру пообедать и обратно. Работали до часу ночи, а иногда и до трех утра. Опоздание даже на пять минут считалось серьезнейшим проступком и наказывалось вплоть до увольнения. Работали на износ. Все с нетерпением ждали воскресенья с надеждой и мечтой – ВЫСПАТЬСЯ. Так я проработал тринадцать лет. Только с приходом к власти Н. С. Хрущева распорядок рабочего дня был изменен, и мы в органах стали работать как все нормальные люди.

Позже я узнал, что такой распорядок рабочего дня был приспособлен к режиму Сталина, который зачастую днем спал, а к вечеру собирал у себя на даче в Кунцево членов Политбюро, секретарей ЦК и других руководителей из ближайшего окружения. Там же ночью организовывались обеды, продолжавшиеся иногда до утра. Сталин ночами бодрствовал. Зная об этом, сидели в своих кабинетах наркомы и их замы, сидели и мы, рядовые работники, клевавшие носом, со слипающимися глазами, пока не раздавалась команда, разрешающая ехать домой. Кто как, кто на чем, а чаще пешком добирались мы домой, так как автотранспорт, метро и трамваи в эту ночную пору не ходили. Удивительно, как нам удавалось физически выносить такой губительный режим работы. Даже в наркомате обороны рабочий день был иным. Например, мой старший брат Василий, занимавший должность начальника отдела в Главсанупре наркомата обороны, всегда заканчивали работу не позднее семи часов вечера. Я ему завидовал.

В марте 1940 года я был назначен начальником отделения, а еще через полгода – заместителем начальника отдела кадров. Так быстро я продвинулся по восходящей линии, сам того не ожидая. В июне 1940 года мне было присвоено первое милицейское звание – лейтенант.

В должности заместителя начальника отдела кадров ГУРКМ СССР я работал непродолжительное время, так как в марте 1941 года этот отдел был упразднен и все его функции переданы в отдел кадров НКВД СССР. Я был назначен начальником отделения этого отдела.

Содержание моей работы по существу не изменилось, так как вся номенклатура руководящих работников милиции страны полностью осталась в моем отделении. Изменился лишь мой чин, мне было присвоено звание старший лейтенант государственной безопасности (две шпалы, но уже красного цвета). Изменилась и форма одежды: меня обмундировали в тогдашнюю форму чекиста.

...22 июня 1941 года ночью за мной пришла автомашина с приказом немедленно прибыть в наркомат. Приезжаю в отдел кадров, нас собирает зам. наркома Обручников и говорит, что на СССР напала Германия.

С этого времени мы не знали покоя ни днем, ни ночью. Когда немцы подошли к Смоленску, в наркомате начали активно сжигать лишние документы. Обгорелые бумаги, словно стаи грачей, витали над домами площади Дзержинского и на Лубянке.

Когда начались налеты немецкой авиации на Москву, дано было указание об эвакуации членов наших семей. Семьи сотрудников нашего отдела были эвакуированы в Куйбышев-

скую область в поселок Серноводск, где была грязелечебница. Через некоторое время Маша с сыном Львом переехала в г. Иваново, где директором небольшой текстильной фабрики работала ее старшая сестра Анна Васильевна Медведева. В период подступа немцев к Москве ко мне обратился за помощью бывший начальник милиции одного из районов Смоленской области, направлявшийся в тыл. Я попросил его заехать в г. Иваново, забрать жену и сына и сопроводить их в Пермь (тогда – город Молотов).

Одновременно я позвонил начальнику областного управления милиции Скрыпнику и просил его помочь Маше в устройстве с жильем и питанием. Скрыпник выполнил мою просьбу, устроив их в двухэтажном деревянном доме с печным отоплением, и прикрепил их к местному спецторгу для получения продовольствия. У Маши на руках был мой денежный аттестат, по которому она получала часть моей зарплаты. Несмотря на помощь, которую оказывал Скрыпник, моя семья, как и все в тот период, испытывала большую нужду, было холодно и голодно, особенно зимой 1941–1942 гг. Мне один раз удалось навестить их в Перми. Но я тоже не мог привезти что-то существенное, так как на казарменном положении питались мы в нашей столовой отвратительно, в результате чего я приобрел язву двенадцатиперстной кишки. Бывало, придешь после обеда в кабинет, наевшись котлет из немолотой пшеницы, завалишься на диван и крутишься от боли. Лекарств болеутоляющих не было, да и времени не было ходить по врачам. Осенью 1942 года я забрал семью в Куйбышев на постоянное место своей работы.

Все сотрудники наркомата в этот период находились на казарменном положении, никто не имел права отлучаться с работы. Я спал на диване, мои подчиненные – на раскладушках, а то и на полу. Иногда мы ходили в Центральные бани.

Октябрь 1941 года был критическим. В середине месяца после выступления по радио председателя Моссовета в Москве поднялась паника: жители, в том числе многие руководящие работники, потоком бежали из Москвы. Были факты, когда рабочие насильно возвращали директоров-дезертиров на работу. В городе появились группы мародеров, грабивших магазины. Но принятыми мерами грабеж был пресечен силами работников НКВД, милиции и военных Московского гарнизона.

Налеты на Москву немецких летчиков участились и, несмотря на хорошо организованную противовоздушную оборону города, отдельным летчикам удалось прорваться в центр. В одну из ночей фашисты сбросили несколько бомб в здание ЦК ВКП (б), в здание арсенала в Кремле, в дом КГБ в Кисельном переулке, а также на перекрестке ул. Кирова и Кривоколенного переулка, в нескольких метрах от моего кабинета на Малой Лубянке в доме № 5. Окна кабинета были закрыты тяжелыми шторами. Взрыв бомбы на ул. Кирова был настолько силен, что потряс все здание, а стекла в окнах моего кабинета разлетелись вдребезги. Не будь тяжелых штор, я бы получил ранение головы и лица, так как сидел рядом с окнами. Помню, секретарь, вошедшая с охапкой личных дел, как раз в этот момент упала в обморок. Потом мы привыкли к тревогам и налетам и, даже несмотря на приказ, не спускались в бомбоубежище, а ходили дежурить на крыши домов, чтобы оттуда сбрасывать фугасные бомбы...

В июле 1942 года я пришел с докладом к заместителю начальника отдела кадров НКВД СССР Свинелупову, который вместе с начальником комплектующего отделения Щепакимым обсуждали какую-то проблему.

– Чем это вы так озабочены? – спросил я.

– Нам дано указание срочно подобрать кадры для укрепления УНКВД Куйбышевской области. Туда переправляется весь дипломатический корпус и значительная часть правительства. Не исключено, что туда поедет товарищ Сталин. – Свинелупов вздохнул. – Начальника УНКВД туда уже нашли, это Блинов, зама по оперативной работе тоже подобрали, а вот заместителя по кадрам ищем. Давай помогай, ты многих кадровиков знаешь.

Перебрав кучу справок на известных нам работников, мы так и не остановились ни на одном.

– А может быть, мне поехать, если моя кандидатура подойдет на эту должность? – предложил я.

– Ты шутишь или всерьез?

– Да нет, не шучу. Если надо – поеду.

– Было бы здорово, если бы ты согласился, – кивнул Щепакин.

– Хорошо, – согласился Свинолулов, – в таком случае больше и искать не будем. Доложим заместителю наркома, и, если он согласится отпустить тебя, немедленно направим представление в ЦК ВКП (б).

Решение состоялось, и в июле 1942 года я уже принимал дела в УНКВД Куйбышевской области, которая в тот период была просто огромной – 64 района. В нее входила и нынешняя Ульяновская область. Почти одновременно с назначением на эту должность мне было присвоено очередное звание капитана (три шпалы).

Начальник УНКВД Блинов был опытным руководящим работником органов и пользовался в коллективе авторитетом. С ним легко было работать, так как он хорошо разбирался в деловых качествах кадров и в оценке их работы был объективен. Сам он работал много. Правда, у искушенного на руководящей работе разного рода привилегиями Блинова иногда проскальзывали барские замашки в личных запросах, на чем, кажется, он потом и погорел, будучи начальником главка в Центральном аппарате в Москве. У меня с Блиновым установились хорошие деловые отношения и взаимное доверие в работе, а это я считал главным.

К сожалению, в 1943 году его взяли в Центральный аппарат на должность начальника оперативного главка, а к нам прибыл бывший заместитель начальника УНКВД Московской области Петров. Он был прямой противоположностью Блинову, не обладал способностями и умением руководить коллективом, а вот чего у него было в избытке – так это посредственное знание дела и халатное отношение к работе. Зато он преуспевал в охоте и рыбалке, распитии спиртных напитков и ухаживаниях за женщинами. Предаваясь забавам и утехам, мог днями не появляться на работе. Несмотря на тяжелую обстановку в стране, нужду и страдания людей, Петров вел себя безответственно. Находились у него и дружки из числа подчиненных руководящих работников, угодливо поставлявших ему все необходимое для застолья, в том числе и «живой» товар. В коллективе это знали, и слухи о поведении Петрова пошли по всему аппарату.

Не выдержав такого поведения Петрова, я, как-то оставшись с ним вдвоем, откровенно высказал, что говорят нелестного о нем в коллективе. Петров вспылil, наговорил мне дерзостей, и я, хлопнув дверью, ушел, понимая, что после этого нам вместе не работать. В обкоме партии Петров также не пользовался авторитетом, так как там знали о его отношении к работе и поведению. Первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков как-то в разговоре со мной очень нелестно отозвался о Петрове:

– У меня руки до него не доходят. Но я до него доберусь.

В семье Петров жил скверно, вечно ссорясь со своей женой. У них были дочь и сын. Моя жена неоднократно была свидетельницей этих ссор.

После бурной сцены с Петровым я написал заместителю наркома Обручникову письмо с просьбой перевести меня в какую-либо другую область или освобождающуюся от оккупации республику. Свою просьбу я аргументировал несработанностью с Петровым, не указывая на его отношение к работе и компрометирующее поведение, так как всю жизнь не любил сплетен и тем более доносов. Оказывается, я это очень правильно сделал, так как Обручников и Петров были близкими друзьями и даже в Москве имели совместную интимную компанию. Мне стало известно об этом значительно позже. Вот почему приехавший в Куйбышев начальником УКГБ Огольцов получил отказ о назначении меня заместителем в УКГБ. А он об этом возбуждал перед Обручниковым официальное ходатайство. Петров тогда меня не отдал.

В январе я был вызван в Москву, где Обручников, не ссылаясь на мое заявление, предложил мне должность заместителя комиссара НКВД Латвийской ССР, хотя республика еще не была освобождена от фашистов, но руководство НКВД уже формировалось и прикомандировывалось в качестве оперативной группы к штабу Прибалтийского фронта, которым командовал Баграмян.

Я сразу же дал согласие.

В 1944 году в органах ввели новые воинские звания, и я получил звание подполковника. Провожали меня в Куйбышеве с большим сожалением и, зная мои неприязненные отношения с Петровым, считали, что он меня «выжил», не пожелав иметь такого несговорчивого заместителя. Вскоре после моего отъезда Петрова все-таки сняли с работы.

«Айзсарги»

Прикомандированная к штабу Прибалтийского фронта, наша оперативная группа в составе наркома НКВД А. П. Эглита, первого заместителя А. П. Сиекса, Н. С. Захарова и ряда других руководящих работников с боями продвигалась к Риге. Вступление в Ригу проходило в боевой обстановке. На улицах города мы подвергались обстрелу из автоматов и пулеметов из жилых домов и учреждений, где оставались недобитые «смертники» из «айзсаргов». Эта профашистская организация была основной опорой гитлеровцев в Латвии. Структурно она была организована на военный лад: полки, батальоны, роты, взводы со строгой дисциплиной. Вооруженные немецкой техникой и боеприпасами, «айзсарги» ушли в леса, где укрывались в хорошо оборудованных бункерах.

Живучести и обеспечению бандитского подполья способствовала существующая в Латвии хуторская система. Каждый богатый хутор являлся базой их обитания и укрытия. В помощь по борьбе с политическим бандитизмом нам была придана 5-я дивизия внутренних дел НКВД СССР, которой командовал хорошо образованный генерал-майор Леонтьев. Но этого было явно недостаточно, поэтому при каждом уездном городе были созданы истребительные батальоны из солдат, признанных годными к нестроевой службе, и из латышей местного населения, перешедших на сторону СССР. Эти батальоны оказывали нам действенную помощь.

Особую трудность мы ощущали в комплектовании органов кадрами. Эту трудность одолевать пришлось мне, как заместителю министра по кадрам. Я с благодарностью вспоминаю маршала Баграмяна, который по моей просьбе направлял нестроевиков в наше распоряжение. Особенную нужду мы ощущали в оперативном составе, а Центр присылал нам очень мало людей и то не лучшего качества. Однако большая часть начальников городских и волостных подразделений была укомплектована или за счет русских, или обрусевших латышей.

Некоторое время спустя к нам приехал еще один заместитель – по хозяйственной части – Кизимов, татарин по национальности. Так что в руководстве наркомата только я был русский, что накладывало свой отпечаток на мою работу.

Обстановка в Латвии, как и во всей Прибалтике, долгое время была опасной и напряженной. Достаточно сказать, что я почти полгода ездил на «виллисе» с охраной и автоматом между ног. После освобождения от гитлеровцев «Курляндского мешка» у нас появились большие возможности вести борьбу с политическим бандитизмом. Я неоднократно выезжал в уезды для организации боевых операций. Прочесывая лесные массивы, через агентуру мы устанавливали бункера бандитов и проводили боевые операции по их захвату и ликвидации. Разъезжая по волостям с группой оперативных работников, я нередко попадал в засады, организованные бандитским подпольем. Это были очень рискованные моменты. Дважды я не надеялся остаться в живых. В Краславской волости Даугавпилского уезда в лесу была обнаружена банда, мы решили ее ликвидировать. Приехав в волость с начальником Даугавпилского отдела НКВД Титовым, остановились на ночлег в одном из хуторов. Это был наш едва ли не роковой просчет. Через своих связных банда узнала о нашем пребывании, ночью мы были окружены их крупным формированием. После длительной перестрелки мы с Титовым и с шофером спустились в цокольный этаж здания. Израсходовав почти все боеприпасы, мы оставили только по одной гранате и по одному патрону в пистолетах для себя, так как сдаваться в плен смысла не было. На неоднократные выкрики «Сдавайтесь!» мы молчали. И вдруг в самый критический момент мы услышали сильную стрельбу и крики. Бандиты бросились врассыпную. К нашему дому подъехал заместитель начальника горотдела НКВД с группой истребительного батальона на двух фугонах.

Оказывается, выручил нас латыш, хозяин соседнего хутора, который, услышав активную стрельбу у соседа, догадался, в чем дело и позвонил в горотдел, где заместитель начальника

сразу понял ситуацию и по тревоге поднял бойцов истребительного батальона. Хуторянина, подавшего сигнал о перестрелке, министр наградил именными часами.

Организация «айзсаргов» в борьбе против нас привлекала и женщин. В Цесисском уезде нам стало известно местонахождение банды в одном из лесных массивов, где у бандитов был хорошо оборудованный и заминированный на подходах бункер. Через агентуру мы знали также, что у них имеется постоянная связь, которую осуществляла известная любовница главаря банды. Наша задача была захватить эту связную при выходе ее из леса. Я направил для захвата небольшую оперативную группу во главе с заместителем начальника отдела по борьбе с бандитизмом Бедиком. Бедик, прибыв на место, рассредоточил группу по выходящим из лесу тропам, а сам остался с шофером в другом укромном месте. Случилось так, что связная вышла как раз на Бедика, который тут же ее и задержал, допустив роковую ошибку. Во-первых, он ее тщательно не обыскал, поступил как джентльмен, считая непорядочным прошупывать женщину. Во-вторых, посадил ее в кабине «виллиса», а сам сел рядом с водителем. Проезжая перелеском, эта бандитка воспользовалась ситуацией, выхватила спрятанный на груди пистолет и в упор выстрелила в затылок Бедик, убив его наповал. Водитель не растерялся, сразу дал право руля, и автомашина перевернулась в кювет. Бандитка не успела разрядить свой пистолет в водителя, он опередил ее двумя выстрелами в упор. Она прожила еще два дня, и мне пришлось с ней разговаривать. Молодая красивая девица с солидным бюстом, в котором свободно можно было спрятать не только пистолет, но и автомат. Несмотря на гуманность нашей с ней беседы и усилия врачей, связная никого не выдала. До сих пор не верится, что такое прекрасное создание природы могло стать бандитом.

Бедика мы похоронили с почетом. Это был старый опытный чекист, обрусевший латыш. На кладбище Яна Райниса я открывал митинг, поминая Бедика добрым словом. Выступать с надгробными речами в Прибалтике в то время мне приходилось неоднократно, потому что много наших ребят погибло в борьбе за установление Советской власти.

Материальное состояние жителей Латвии было несравнимо с нашим тылом, где люди бедствовали и голодали, отдавая фронту последние силы и крохи. В магазинах Риги было вдоволь промышленных и продовольственных товаров, особенно богаты были рижские продовольственные рынки.

Обеспеченность жителей Прибалтики товарами, обилием продовольствия объясняется тем, что гитлеровцы в период оккупации этих республик не подвергали грабежу и разрушению объекты торговли, не применяли к жителям той палаческой жестокости, которую они проводили на оккупированных территориях СССР. Гитлер понимал, что Прибалтика является для немцев трамплином против нас. Неслучайно поэтому значительная часть жителей Прибалтики сочувственно относилась к завоевательной политике фашистов, что осложняло работу правоохранительных органов против бандитского подполья. Необходимо отметить и такой факт: в системе торговли в Прибалтике наиболее крупные фирмы принадлежали немцам. Так что пронемецкая ориентация во всей Прибалтике была очень сильна.

Вскоре после Дня Победы я привез семью в Ригу, получив квартиру бежавшего за границу крупного бизнесмена на ул. Столбовая. Квартира была огромная: восемь комнат с двумя входами – парадным и черным, со двора. Такая квартира мне, конечно, была не нужна, но пришлось мириться с тем, что давали. Сын Лева по этой квартире на велосипеде спокойно разъезжал.

27 марта 1947 года у нас в Риге в этой квартире родилась дочь Наташа, названная в честь жены А. С. Пушкина. Сестра Маши Анна Васильевна вскоре приехала в Ригу и поступила работать директором текстильной фабрики, где работала до ухода на пенсию.

С руководством наркомата Латвии у меня сложились неплохие отношения. У министра Эглита и его первого заместителя Сиекса жены были очень общительны, и моя Маша быстро нашла с ними общий язык. Мы ходили в гости друг к другу и даже выбирали время в воскрес-

ные дни выезжать на природу, на пикники. В этот круг входил командир 5-й дивизии внутренних войск с женой, кстати, весьма культурной и образованной женщиной. Иногда разделял нашу компанию начальник республиканской милиции А. А. Кошелев.

Несмотря на это мне приходилось иногда становиться на защиту своих соотечественников. Националистический душок бывало проявлялся у министра, и мне приходилось втихую прибегать к помощи первого секретаря ЦК Латвии Я. Э. Калнберзина, который был настоящим интернационалистом и меня всегда поддерживал.

Летом 1946 года состоялся Пленум ЦК ВКП (б) Латвии, на котором стоял один вопрос: «О политическом положении в республике». Я был на этом пленуме по гостевому билету. Открывал пленум второй секретарь ЦК Латвии И. К. Лебедев. В президиуме сидели секретарь по идеологии А. Я. Пельше, представитель ЦК ВКП (б) Н. Н. Шаталин и от НКВД СССР Бабкин. Тогда во всех прибалтийских республиках были постоянные представители Центра.

Доклад делал Калнберзин. Подводя итоги года, прожитого после Победы над фашизмом, докладчик наряду с положительными результатами в работе партийных и советских органов подверг критике ряд серьезных недостатков, допущенных работниками партийных и советских организаций, указал на недостаточную борьбу с профашистским националистическим подпольем. Критика была объективной.

После перерыва начались прения по докладу. Выступления в основном проходили в духе доклада и дополнялись деловыми предложениями. Слово предоставляется министру просвещения Латвии (фамилии, к сожалению, не помню), и он вдруг обрушивает целый поток клеветы и помоев на Советский и особенно русский народ, на засилье русских в Латвии и утрату традиций латышского народа.

Этот министр, член ЦК ВКП (б) Латвии, произнес обвинительную речь как прокурор. Это была речь в злобном антисоветском духе, в ярко выраженном националистическом стиле. Видимо, он ее заранее основательно готовил и не один. Вот основные тезисы его выступления.

«В партийных и советских учреждениях вытесняется латышский язык и внедряется русский, все делопроизводство ведется только на русском языке». Это была ложь и клевета, так как в республиканских учреждениях делопроизводство было смешанным, но в основном латышским. В уездах все делопроизводство шло только на латышском языке.

Далее. «Русские не хотят изучать латышский язык». И здесь – только доля правды, потому что мы изучали его, общаясь с латышами постоянно. Это я знаю по собственному опыту, так как четыре года каждый день разговаривал с латышами и знал разговорную речь. Больше мне было не надо, я не собирался оставаться там на всю жизнь. Вообще языки прибалтов и скандинавов не очень популярны на международном фоне, хотя не спорю, каждому дорог свой язык. В латышских школах дети учились на родном языке, театры работали и ставили спектакли на латышском, кинотеатры – тоже. Мы с большим удовольствием посещали латышские музеи. Никто и никогда не посягал на культурные ценности латышского народа. Министру образования это было хорошо известно.

– «Русские в Латвии захватили все руководящие посты». Это тоже была очередная ложь. Сам оратор был латыш. В ЦК партии республики, за исключением Лебедева, все секретари были латышами, министры – тоже. Мой первый заместитель Утен был латыш, замечательный работник. Практически почти весь руководящий состав был из коренных латышей либо из обрусевших латышей, бежавших в Советский Союз при наступлении гитлеровцев. У нас они находили приют и работу.

– «Русские захватили в Риге лучшие квартиры и дачи на Рижском заливе и пользуются различными благами» – этот тезис министра просвещения также не выдерживал критики. Да, квартиры нам выделял горсовет, и мы за полученную площадь исправно платили.

– «Русские относятся к латышам пренебрежительно, смотрят на нас свысока». Это была полная ложь и клевета. Мы хорошо знали, что латышский народ трудолюбивый и скромный, и ни у кого из нас никогда не возникало чувство зазнайства или чванства.

Вот такие негативные факты преподнес этот оратор. Слушать их спокойно было просто невозможно. Поэтому я не выдержал, встал и крикнул:

– Все это ложь и клевета на русский народ!

После выступления министра объявили перерыв. Меня неожиданно пригласили в комнату президиума пленума. Ко мне подошел Лебедев и спросил:

– Ты слышал, что говорил последний выступающий?

– Да, я слышал этого националиста.

– Мы тут посоветовали и решили, что такому выступлению надо дать серьезный отпор. Подходящей кандидатурой для этого мы считаем тебя. Во-первых, ты русский. Во-вторых, можешь рассказать пленуму, сколько крови пролито за таких вот националистов.

Я взмолился, прося Лебедева найти кого-либо другого, а меня освободить от этой миссии, так как я не готовился для такого выступления.

– Ничего, выступишь. И сделать это надо обязательно резко.

Вспоминаю, с каким волнением я поднимался на трибуну пленума, когда председательствующий объявил мою фамилию и должность.

«Я – русский, – так я начал свое выступление. – Меня, как и других моих соотечественников, направило сюда Советское правительство для оказания помощи латышскому народу в восстановлении и укреплении Советской власти в Латвии. Вместе с войсками с боями входили мы на латышскую землю и в Ригу. Прошел уже год после Победы над фашистами, и за это время, как видно из доклада, многое сделано. Но что мы с вами слышим из выступления последнего оратора? Нельзя без возмущения принимать его злопыхательскую, националистическую речь. Он оскорбил советских людей и вооруженные силы, ибо они, советские воины вместе с патриотами-латышами, освобождали республику от фашистского порабощения. Позволительно спросить этого оратора: почему он стал министром и членом ЦК партии, почему он остался цел и невредим и может с высокой трибуны лить грязь на советских людей? Потому что он бежал, как трусливый заяц, при наступлении немцев. Но куда? В Россию, которая его пригрела и приютила, но вовсе не для того, чтобы, вернувшись на родину, он прививал яд национализма латышам, а не дружбу между нашими народами.

Этому оратору известно, сколько советских людей сложили головы, освобождая Латвию от фашистской нечисти? Ему известно, сколько десятков тысяч гитлеровцы замучили в застенках тюрем и специально построенном концлагере в Саумспилсе латышей и советских борцов за освобождение Латвии? Каждый порядочный житель Риги видит, что мы и сейчас почти каждую неделю идем с похоронной процессией, провожая чекистов, погибших от профашистского подполья, скрывающегося в лесах. В их бункерах мы находим свежие продовольственные запасы, оружие и боеприпасы. Возникает вопрос: кто их снабжает, откуда эта материальная поддержка? Да вот такие типы, как этот министр просвещения, конечно, отдадут им последний кусок. (Возгласы из зала: «Позор! Позор!») Да, позор слышать, когда вместо благодарности нам преподносят ложь и клевету.

Русский народ никогда не пренебрегал дружбой и традициями латышского народа. Вспомните исторический факт, когда в критический момент в 1918 году не кому-нибудь, а именно латышским стрелкам была доверена охрана Кремля в Москве. Русский народ этого никогда не забудет. (Аплодисменты в зале).

Я считаю выступление последнего оратора провокационным в ярко выраженном злопыхательском, националистическом духе. Как можно после этого доверять такому националисту занимать должность министра и в каком направлении он воспитывает наше будущее поколение? Сделайте, пожалуйста, выводы сами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.